

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 24-го Августа 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12233

ВЪ БРЮССЕЛЬ.

Бельгиецъ—хозяинъ.
Бельгиецъ—буржуа, par excellence.
Домовитый, расчетливый, предусмотрительный.

У многихъ съ пятнадцати лѣтъ сознательный трудъ, сдержаный обходъ жизни.

Цѣль—
—обеспеченіе средняго возраста и старости.

На главной улицѣ Брюсселя (начинается немного выше ботаническаго сада) rue Royale, какъ-то вечеромъ, въ каѳ мой почтенный сосѣдъ уронилъ пять сантимовъ монету.

Четверть часа онъ шарилъ по полу, усыпанному грязными опилками, но монету не нашелъ и такъ печально вздыхалъ, что, право, мнѣ очень хотѣлось дать ему собственную пятисантимовую монету.

На rue barricade (это недалеко отъ центра) я нанималъ комнату въ громадномъ шестиэтажномъ домѣ.

[Его стоимость 200-300 тысячи франковъ.

Согласитесь, это достаточное „обеспеченіе“. Это уже богатство. Доходъ болѣе пятнадцати процентовъ.

И что-же,—мои бездѣтные хозяева жили въ кухнѣ, сами выполняя всѣ работы по дому.

Въ первомъ этажѣ они имѣли три

ВОЙНА.

Японскій императоръ
Юшихито Харуномія.
(По поводу объявленія войны Японіей
Германіи.)

Перейдутъ изъ кухни въ квартиру уже на всѣ дни недѣли.

Это значитъ быть разумнымъ, трезвымъ, дѣловитымъ хозяиномъ.

Такъ понимаетъ брюсселецъ.

Успокоенная страна, въ сущности, недалекая отъ Швейцаріи, гдѣ въ газетахъ, кроме „отельно-пансіонныхъ“ замѣтокъ, шоколадныхъ рекламъ, описанія мелкихъ скандалчиковъ и брачныхъ церемоній, не найдешь никакихъ „волненій“ и никакихъ „исканій“.

— Не люблю успокоившихся народовъ, говорилъ Ибсенъ.

Въ это время онъ могъ имѣть въ виду или швейцарскаго ресторатора, или бельгійского хозяина.

Но вотъ война. Оскорблѣніе націи со стороны дерзкаго и рѣшительного врага, И что же?

Нѣтъ „успокоившейся“ дѣловитой страны.

Нѣтъ разсчетливаго, дѣловитаго хозяина.

Все поднялось, все загорѣлось.

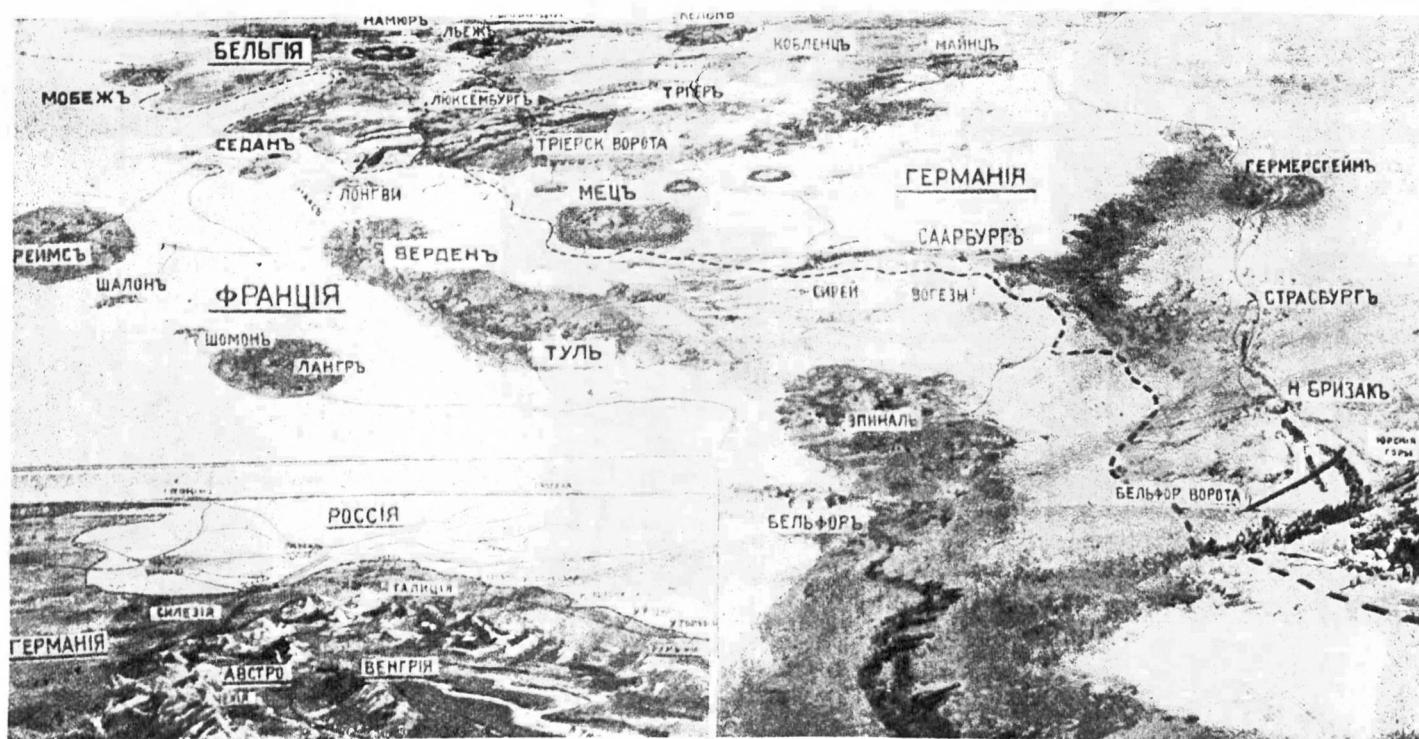
Мы видимъ только гражданина и солдата, которые всѣми силами возстали за честь своей маленькой любимой родины.

Война—ужасъ.

Но нельзя не видѣть и того, что въ ней свѣе великое очистительное пламя.

Вчерашиіе спокойные, я бы сказалъ,—комнатные, люди начинаютъ творить подвиги.

КАРТЫ ВОЮЮЩИХЪ СТРАНЪ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

Русско-германская и австро-руssкая границы.

Линія укрѣплений по франко-германской границѣ.

свои (не сданныя въ наемъ), комнаты, великолѣпно обставленныя. Но поднимались въ нихъ только по воскресеньямъ.

Въ понедѣльникъ снова въ кухню.

Меня это поразило. Я понялъ это только впослѣдствіи, когда болѣе познакомился съ брюссельцами.

У этихъ людей еще не закончился установленный процессъ накопленія вѣщей и денегъ.

Оба еще не перешагнули за 35 лѣтъ.

А вотъ къ сорока годамъ они уже позволяютъ себѣ и удобства, и отдыхъ.

Вчерашие „накопленіе цѣнностеи“ смѣнилось благороднымъ, прекраснымъ воодушевленіемъ, способностью къ герическому напряженію всѣхъ силъ.

Въ этомъ сказалась подлинная культура, подлинное сознаніе своихъ обязанностей гражданина.

Генерал А. В. Самсоновъ,
убитый въ бою съ германцами.

Кавалергардъ

Сербский королевичъ Георгий,
раненый въ голову на передовыхъ позиціяхъ
подъ Бѣлградомъ

Уральский казакъ.

Жюль Гэдъ,

глава лѣваго, непримиримаго (марксистскаго) крыла французскихъ социалистовъ, согласившися вступить въ кабинетъ министровъ въ виду опаснаго положенія страны.

Патріотизмъ и благородное воодушевленіе, которые будутъ занесены въ исторію.

И будущіе бельгійцы прочтутъ золотыя строки о сегодняшнихъ.

Четыре года тому назадъ, во время всемирной выставки, я прожилъ въ Бельгіи два мѣсяца.

У меня былъ мѣсячный желѣзнодорожный билетъ, который давалъ мнѣ возможностьѣздить куда, когда и сколько угодно.

Но въ сущности и двухъ недѣль было бы достаточно.

Преображенецъ.

РУССКАЯ АРМІЯ.

Въездъ въ постъ на позицію.

ахъ.

Казаки.

Полевой артиллеристъ.

Кирасиръ.

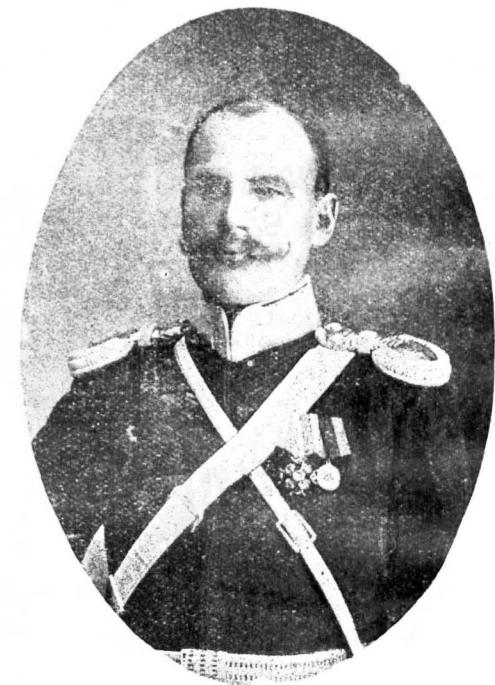

Гусаръ.

Конногренадеръ.

ПОГИБШІЕ ХАРЬКОВЦЫ.

Убитый въ бою
подъесауль А. Г. Нечеухинъ.

Убитый въ бою
подъесауль Н. В. Алтабашевъ.

Часъ ъзди скорымъ поѣздомъ, три остановки на станціяхъ—и Антверпенъ. (Расстояніе отъ Брюсселя до Антверпена.)

Часъ двадцать пять минутъ—и Брюггэ.

Часъ три четверти—и вы въ Осса.

Главное впечатлѣніе этихъ поездовъ—мирная, глубоко-трудовая, дѣловая.

Часъ ъзди скорымъ поѣздомъ, три остановки на станціяхъ—и Антверпенъ. (Расстояніе отъ Брюсселя до Антверпена.)

Часъ двадцать пять минутъ—и Брюггэ.

Часъ три четверти—и вы въ Осса.

Главное впечатлѣніе этихъ поездовъ—мирная, глубоко-трудовая, дѣловая.

На все это обрушилась свирѣпая военная гроза.

Почти вся страна до линіи Антверпена, съ его сверкающимъ каналомъ къ морю, изрыта снарядами, полита кровью и, сильь, глубоко печалить, глубоко это скромный народъ, эту труповъ.

Не только сочувствіе, но подлинная бѣль.

Ее только усилило вступленіе тевтоновъ въ Брюссель.

Говорятъ, занятіе города не имѣть большого стратегического значенія. Пусть такъ.

Но мы уже хорошо знаемъ, какое право человѣческаго и международного права несутъ съ собой германскіе полки, — взвинченныя, провоцированныя, сбитыя съ толку войска. Я говорю—взвинченныя, провоцированныя, потому, что невозможно допустить, чтобы

въ нормальномъ состояніи немецкій гражданинъ или немецкій солдатъ были способны къ такому постыдному, кошмарному варварству.

И когда знаешь Брюссель, уже вздрогиваешь отъ мысли объ обычныхъ премахъ немецкихъ „побѣдителей“.

„Маленький Парижъ“ говорятъ о Брюсселе французы и валлонцы.

Это правильно. Но Брюссель часто нравится больше, потому, что при всѣхъ плюсахъ большого, шумнаго, разносторонняго города, онъ имѣть еще плюсы маленькихъ городовъ.

Простой укладъ жизни, честность всѣхъ бытовыхъ отношеній. Наконецъ, индивидуальная особенность, — совсѣмъ тихіе кварталы рядомъ съ центромъ, много прекрасныхъ садовъ, парковъ, бульваровъ; чудесный паркъ, примыкающій къ территории выставки 1910 года.

Поживши, въ Брюссель его начинаешь любить..

Пройдите отъ богатаго ботаничесаго сада по rue Royale къ знаменитому дворцу правосудія. По своимъ размѣрамъ это почти единственное зданіе въ Европѣ.

И какой видъ! Старинный сѣрий камень, мѣстами ярко бѣлый, зданіе словно посѣдѣло.

Отсюда съ площадки видъ на старый Брюссель, расположенный ниже новаго города. Темные дома съ остроконечными черепичными крышами, узкія улицы, крохотныя площади, на которыхъ еще витаются тѣни тринаццатаго вѣка.

Наверху вы говорите по французски; внизу продолжаетъ жить Фландрія. Густая фламандская рѣчъ.

Старина продолжаетъ жить.

На рыночной площади, которая однажды въ недѣлю превращается въ живописный базаръ цвѣтовъ, гордость Брюсселя, старая ратуша съ своей коричневой башней; тутъ же maison du Roi, изящно кружевной, въ позднѣйшемъ готическомъ стилѣ.

Какъ ранній памятникъ чистой готики славится храмъ Св. Гудулы, съ его двумя монументальными простыми и темными башнями.

Внутри васъ удивляетъ игра свѣта въ цвѣтныхъ окнахъ; приходитъ въ восторгъ старинная каѳедра, вся вырѣзанная изъ одного куска дерева съ фигурами Адама и Евы въ натуральную величину.

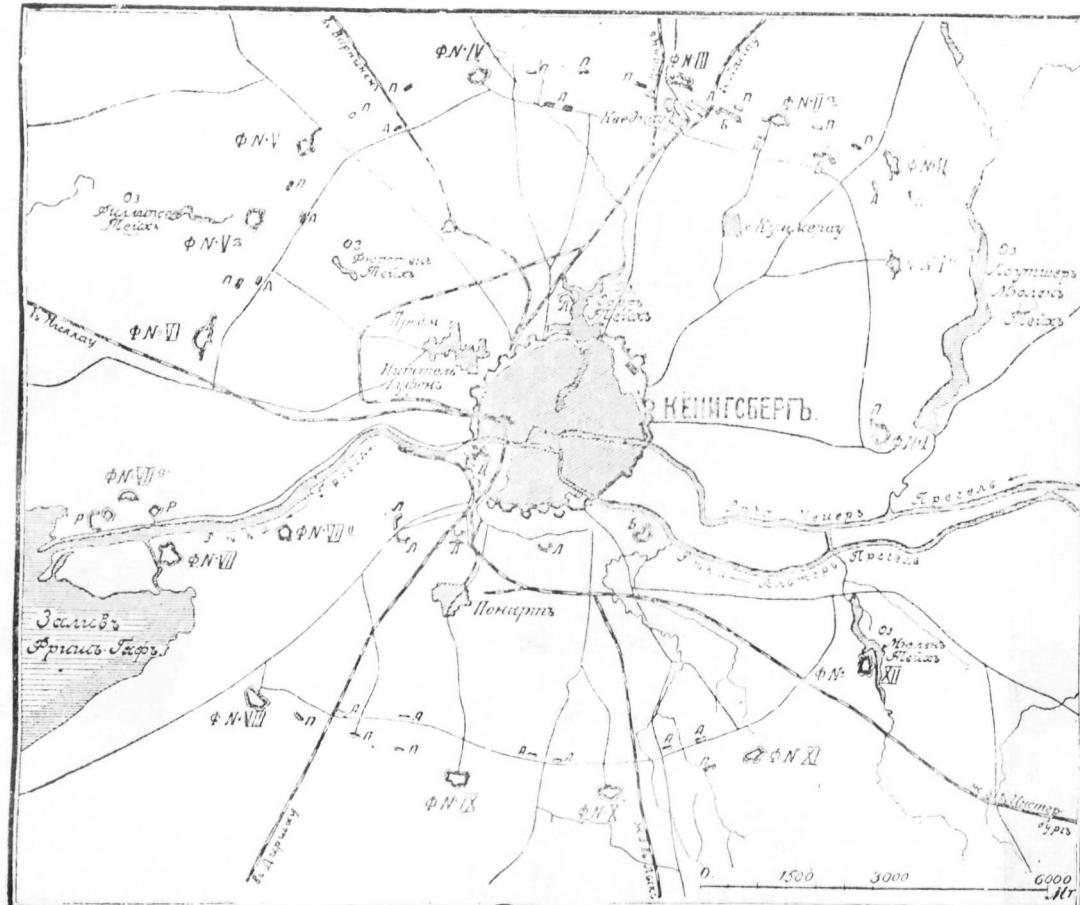
Это XIII вѣкъ.

Посмотри въ центръ.

Отъ величаваго громаднаго сѣвернаго вокзала идутъ два бульвара — Сѣверный и Anspach.

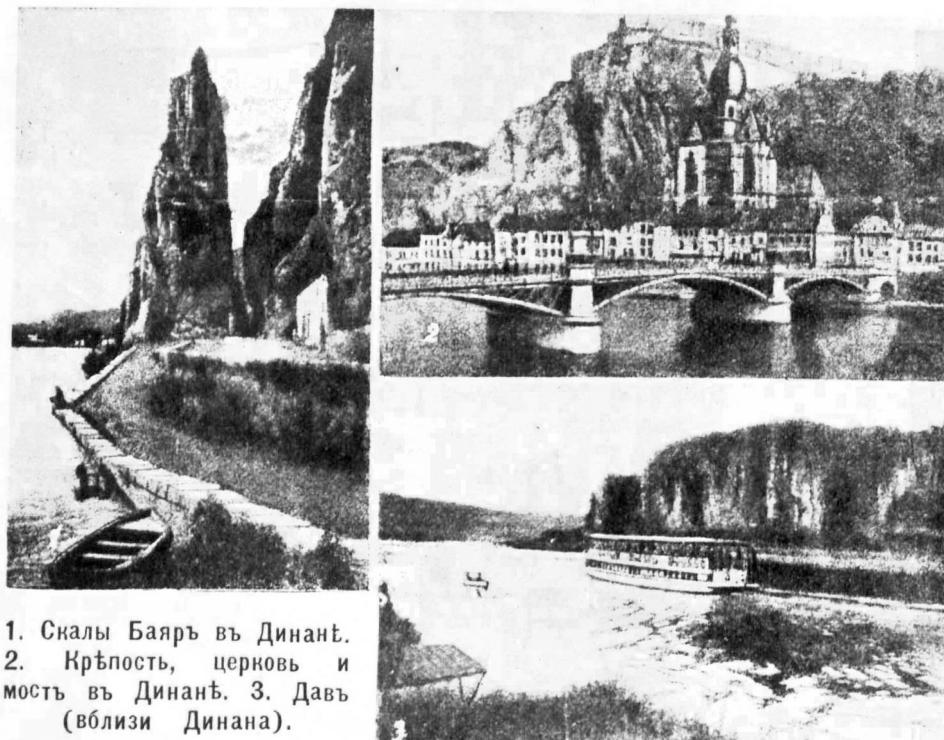
Вечеромъ этотъ районъ, дѣйствительно, маленький Парижъ.

Оживленныя толпы прохожихъ, лучшіе магазины, кафе, театры. Сверкающія рекламы, чудесный бассейнъ съ водопадомъ на Bd Anspach и выше грандиозное зданіе биржи, одно изъ красивѣйшихъ новыхъ зданій города. Затѣмъ эта оживленнѣйшая артерія Брюсселя подходитъ къ южному парижскому вокзалу.

Укрепленія Кенигсберга.

КЪ БОЯМЪ У ДИНАНА.

1. Скалы Баяръ въ Динанѣ.
2. Крѣпость, церковь и мостъ въ Динанѣ. 3. Давъ (вблизи Динана).

Наконецъ, какая масса въ этомъ городѣ богатѣйшихъ музеевъ старого и нового искусства, скульптуры, картинъ, предметовъ античной древности.

Нигдѣ вы не увидите болѣе такихъ полныхъ Рубенса, Жорданса, Ванъ Дейка, Рембрандта.

Нигдѣ не знакомитесь такъ всесторонне съ старыми фландрскими мастерами, съ старой религіозной живописью. Въ одномъ Palais des beaux arts шестьсотъ старинныхъ картинъ, двѣнадцать одного Рубенса. А сколько шедевровъ въ старыхъ церквиахъ; тихихъ и задумчивыхъ фландрскихъ пейзажей въ музеѣ нового искусства и болѣзенно современныхъ исканій въ картинахъ Вирца, въ музеѣ его имени.

Брюссель — центръ всѣхъ художественныхъ богатствъ Бельгіи. Специальный музей составляеть одна церковная старина Фландріи. Слѣдуетъ добавить еще богатыя коллекціи старого искусства, помѣщенія въ залахъ ратуши, и такое замѣчательное книгохранилище, какъ королевская библіотека, — наслѣдство Филиппа Доброго Бургундскаго (XV в.), въ которой однѣхъ рукописей содержится 12,000 номеровъ.

Это цѣнности искусства, но сколько еще къ нимъ нужно добавить цѣнностей гражданскихъ и общественныхъ, — академіи, университетъ, институты, политехники, сотни гимназій, безчисленные учрежденія обществъ и союзовъ. Я вспоминаю, напримѣръ брюссельскій домъ рабочихъ, где тысячи тружениковъ находятъ дешевую пищу, разумный досугъ.

Живешь въ этомъ городѣ и привыкаешь къ нему какъ то сразу. Черезъ двери своихъ хранилищъ искусства онъ уводитъ къ такой прекрасной старинѣ, къ такимъ багатымъ образомъ.

Цѣлый мѣсяцъ я посвятилъ хранилищамъ. Этому сочному, грубому, земляному Рубенсу, Жордансу съ его вакханалией природы и человѣческой плоти, наконецъ, чисто религіозной живописи, гдѣ сотни разъ, но съ такой трогательной вѣрой, варьируется мысль объ искушениіи человѣка дьяволомъ, гдѣ лица и самыя тѣла застыли въ восхищенномъ созерцаніи далекаго неба, и всѣ святые, аскеты и подвижники, равно желты и строги, какъ восковые свѣчи.

Вспоминаешь эти сокровища искусства, сокровища культуры, стянутыя со всей Бельгіи въ Брюссель, и снова становится больно за маленькую страну, которая такъ жестоко страдаетъ, несетъ такія неисчислимые жертвы.

И развѣ послѣ Калиша, Ченстохова Льежа, послѣ ряда безобразнѣйшихъ варварскихъ экцессовъ, жители Брюсселя могутъ быть спокойны за свои сокровища?

Развѣ этихъ жителей уже не разговаривали саблями? Не помѣщали лошадей въ театрахъ и пулеметы на церковныхъ колокольняхъ?

Въ городъ ворвались полчища, въ лицо которымъ одна возмущенная гражданская Брюсселя бросила заслуженное и достаточно характеризующее слово:

— Brutes! Скоты!

Ал. Станкевичъ.